

С математикой Е Сяои всегда был на «ты». Купив гору книг, он даже не подумал открывать их ради чтения, а сразу вернулся к привычному ремеслу — занялся бухгалтерией. Решил подсчитать, сколько же тысяч знаков ему придется вдолбить в голову за те десять лет прилежной учебы, что пророчили ему впереди.

Метод был старый, проверенный: сосчитать иероглифы на одной странице и умножить на общее их число в томе.

Получив итоговую цифру, Е Сяои едва не взвыл.

Куда ни шло сдать экзамен на туншэна — там в обязательную программу входило всего около шестидесяти тысяч знаков: сорок тысяч из «Канона песен» и двадцать из «Канона преданий». С этим еще можно было смириться. Но почему для получения звания сючая объем требований раздувался до умопомрачительных пятисот шестидесяти тысяч?

Сяо И кропотливо пересчитывал каждую строчку. «Ритуалы Чжоу» — пятьдесят тысяч, «Церемониал и ритуалы» — пятьдесят тысяч, «Книга ритуалов» — еще сто! Свод трех этих трактатов уже тянул на двести тысяч знаков!

С «Тремя комментариями» к летописи «Чуньцю» дела обстояли еще плачевнее. «Комментарий Цзо» весил двести тысяч знаков, «Комментарий Гунъяна» и «Комментарий Гуляна» — по сорок тысяч каждый. В сумме три исторические хроники давали двести тысяч!

Добавьте к этому совершенно непостижимую «Книгу перемен» в двадцать четыре тысячи знаков, бесконечно многословного «Мэнцзы» на тридцать пять тысяч и кое-как поддающиеся зубрежке «Аналекты» Конфуция — четырнадцать тысяч, словарь «Эръя» — тринадцать тысяч, да короткий «Канон сыновней почтительности» на две тысячи.

Все это классическое Тринадцатикнижие в итоге сливалось в исполинский кошмар объемом под шестьсот тысяч знаков!

Е Сяои заподозрил, что и за десять лет упорного труда не сможет дотянуться даже до самого завалящего сючая.

От такой перспективы хотелось лезть на стену.

Но в эту эпоху без безупречной зубрежки надеяться было не на что — иначе просто не пробиться сквозь жернова двух десятков отборочных туров. Без этого невозможно одолеть все преграды, подняться со ступени на ступень и в конечном счете вырвать звание чжуанюаня на императорском дворцовом экзамене.

Экзаменационные листы так и пестрели требованиями написать отрывок по памяти или заполнить пропущенные места, а темы для пространных эссе всегда строились вокруг

изречений из Четверокнижия и Пятиканония. Судьба Е Сяои была предreshена — от этих книг ему не скрыться.

Грызая кончик кисти, он перешел от умножения к делению, пытаясь высчитать, сколько лет жизни у него отнимет этот адский труд.

Если замахнуться на звание чжуанюаня всего за год, то за триста шестьдесят пять дней ему придется заучить шестьсот тысяч знаков. То есть по тысяче шестьсот знаков ежедневно! В сутках двадцать четыре часа. Вычтем обязательные восемь часов на сон, еще пару часов — на еду и прочие неизбежные нужды тела. На учебу останется максимум четырнадцать часов.

Выучить за четырнадцать часов полторы тысячи знаков древнего слога — это значит каждый час вбивать в память по сто двадцать знаков без перерыва.

— Пресвятые угодники! В часе всего шестьдесят минут. Зубрить по два знака в минуту... Моя голова что, печатная машинка? — Е Сяои прекрасно понимал, что подобной производительностью не обладает. Его разум не был заведенным механизмом, способным без усталости молотить текст четырнадцать часов кряду.

Вздыхнув, он решил накинуть себе времени и растянуть план на три года. Выходило по сто двадцать знаков каждые три часа.

Эта планка казалась более осязаемой. Наш вчерашний лоботряс приободрился и решил проверить теорию на практике, выделив на первую попытку ровно три часа.

Но три часа пролетели незаметно, а воз остался и ныне там.

Древний слог скрипел на зубах, иероглифы путались перед глазами, а чтобы хоть немного уловить суть написанного, приходилось то и дело копать в груды вспомогательной литературы — местных канонических комментариев- «чжушу». Без этого разобрать заумные фразы было решительно невозможно.

За эти три часа его продвижение вперед оказалось медленнее, чем при самом занудном выписывании черт. Прорва времени ушла на одни лишь попытки осмыслить прочитанное, причем в итоге он получал либо смутную догадку, либо вообще оставался у разбитого корыта.

А ведь без понимания древнего слога зубрежка превращалась в пытку.

Не разобравшись, что скрывают за собой эти угловатые, косноязычные строчки, Е Сяои заучивал их как сложный цифровой шифр. К сумеркам у него уже раскалывалась голова, но одолеть первые сто двадцать знаков он так и не сумел.

Признав поражение, Е Сяои в сердцах швырнул свиток на стол:

— Мо Юэ! А ну возвращайся и растолкуй мне, что за абракадабру тут понаписали!

Но Мо Юэ был в разъездах с товаром, и ждать его возвращения стоило не раньше чем через три дня.

Плюнув на книги, Сяо И уселся за каллиграфию и снова принялся выводить простейший иероглиф «один». Писать черту за чертой было куда легче — по крайней мере, здесь результат работы был виден сразу.

Мо Юэ вернулся на день раньше срока — и не пешком, а с шиком, на наемном экипаже. Причем не с пустыми руками, а с прибылью в пятьдесят лянов серебра.

Вид увесистого мешочка, в котором звенело вдвое больше прежнего, заметно подсластил Сяо И горькую пилюлю неудачной учебы.

— Откуда столько? — так и засиял он.

— Шпильки, что мы оставили в лавке «Шуньчжай», разошлись без остатка. Хозяин передал тридцать лянов чистой прибыли, — Мо Юэ тоже явно был доволен успехом. — А еще двадцать — это аванс за новую доставку. Как только товар дойдет до покупателя, нам выплатят остальное.

— Превосходно, просто превосходно, — довольно закивал Сяо И и тут же нетерпеливо протянул ладонь. — Гони монету. Будем нанимать мне наставника.

Пересыпая серебро в подставленные ладони юноши, Мо Юэ усмехнулся:

— Что такое? Ученик недоволен методами своего наставника? Раз уж признал меня своим учителем, к чему искать мудрости на стороне?

— Так ведь тебе делом надо заниматься, товары возить! — тут же нашелся Сяо И, хотя на самом деле просто панически боялся строгого надзора своего «домашнего тирана». — Ты у нас добытчик, вон какие деньжищи привозишь. Держать такого человека дома ради банальной грамоты — преступление против здравого смысла!

Мо Юэ до сих пор наотрез отказывался показывать ему новые иероглифы, помимо простейшего счета. Мол, пока горизонтальная черта в иероглифе «один» не станет безупречной, переходить к более сложным знакам нет никакого смысла.

Его излюбленная присказка звучала так: «Ты еще слишком молод, тебе нужно заложить прочный фундамент. Хватаясь за все подряд без должного усердия, ты лишь нахватаешься вершков, но так ничего и не освоишь по-настоящему».

Доводы звучали здраво, вот только тикающий в голове Е Сяои невидимый таймер не признавал никакой житейской логики. Время утекало сквозь пальцы, и медлить было нельзя.

Смерив Сяо И долгим взглядом, Мо Юэ лишь фыркнул:

— Что ж, одной заботой меньше. Рад избавиться от столь бестолкового ученика.

С этими словами он скрылся в своей комнате.

Парень провел за поводами двое суток без сна, поэтому Сяо И не стал докучать ему расспросами. Прихватив монеты, он сразу отправился на поиски ученого мужа, который согласился бы растолковать ему премудрости канонов.

На следующее утро, едва в курятнике прокричали первые петухи, хорошенько выспавшийся Мо Юэ распахнул дверь своей комнаты. Прямо на пороге, прислонившись спиной к косяку, сидел насупившийся Сяо И.

Мо Юэ не удержался от улыбки:

— Ты что, лунатиком заделался? Решил поспать у моей двери?

— Сам ты лунатик! — огрызнулся тот. Он попытался было по-дружески похлопать приятеля по плечу, но Мо Юэ оказался слишком высоким, так что Сяо И пришлось лишь дернуть его за рукав халата. — Слушай, у тебя ведь глаз наметан. Помоги мне подыскать толкового наставника.

Мо Юэ удивленно взглянул на него.

После недолгих расспросов выяснилось, что накануне Сяо И успел провести смотрины целой дюжины местных грамотеев, но ни один из дипломированных сюцаев так и не пришелся ему по душе.

Одни кандидаты оказывались набитыми буквоедами, способными лишь бездумно сыпать заученными строчками, но пасующими перед просьбой объяснить смысл простыми словами. Другие же уходили в такие философские дебри и так усердно ссылались на авторитеты древности, что Сяо И переставал понимать хоть что-то уже на второй минуте монолога.

Обиженные придирками недоросля ученые мужи вчера знатно отчитали его за непочтительность, так что Сяо И ушел несолоно хлебавши. И теперь он наперебой перечислял Мо Юэ свои требования:

— Мне не нужен какой-то именитый корифей науки. Я и иероглифов-то толком не знаю! Книги

эти — дремучий лес. Мне нужен послушный помощник, который просто будет сидеть рядом, читать вслух, разжевывать каждое слово и объяснять, к какому месту его приткнуть. А дальше я уж сам как-нибудь вызубрю. Вчерашние зануды мало того что разводили бесконечную демагогию, так еще и важничали, строя из себя великих мудрецов. Бубнят под нос какую-то заумь, от которой так и клонит в сон! Мне нужен покладистый наставник. Чтобы подстраивался под мой темп и при этом не делал грубых ошибок. Сможешь найти такого идеального человека?

Выслушав эту тираду, Мо Юэ тихо хмыкнул:

— Неудивительно, что тебя выставили за дверь.

Этот малец, похоже, метит ни много ни мало на уровень личного наставника наследного принца. И смысл разжуй, и первоисточники укажи, да еще объясни, как это применить на практике — где обычному сюэю набраться такой эрудиции? С этой задачей даже признанный чжуанюань не справится без запинки.

Впрочем, один подходящий кандидат прямо сейчас стоял перед привередливым учеником.

Мо Юэ взял со стола свиток «Шицзина» и легонько стукнул им Сяо И по макушке:

— Читаешь «Книгу песен»? Давай так: я растолкую тебе весь канон от корки до корки, а ты взамен купишь мне хорошего коня. Как тебе сделка?

Сяо И недоверчиво прищурился. А ведь мысль была здоровой. Этот благородный господин явно обладал незаурядным багажом знаний. К тому же он изъяснялся нормальным человеческим языком, а не сыпал высокопарной чепухой, как давешние зануды. И самое главное — с ним всегда можно было договориться на выгодных условиях.

Кандидатура Мо Юэ казалась идеальной, но оставалось одно «но»:

— Я планирую одолеть «Шицзин» всего за три месяца. Для этого придется заниматься по девять часов в день. Где ты найдешь столько свободного времени? А как же наши дела с товарами?

Мо Юэ, будучи не менее искусным в расчетах, быстро прикинул в уме: в «Книге песен» ровно триста пять произведений. Если разбирать по три стихотворения в день, то весь канон они закроют за сто дней.

— Девять часов корпеть над свитками предстоит тебе, а не мне, — небрежно отозвался он. — Мое дело — растолковать тебе три песни с утра, а дальше я свободен и могу спокойно заниматься делами.

— А если я посреди дня что-то подзабуду? У кого мне тогда спрашивать? — насупился Сяо И, не желая терять драгоценное время из-за глупых заминок.

Мо Юэ неторопливо сделал глоток чая и спокойно ответил:

— Значит, лови каждое мое слово на лету и не смей забывать ни единого звука.

На том и порешили.

Сяо И обязался купить для Мо Юэ верховую лошадь, а тот взамен согласился в течение нескольких месяцев усердно разбирать с ним «Книгу песен» строго по намеченному графику.

Мо Юэ развернул свиток. Первой песней в каноне значилась знаменитая «Крик скопы».

— О, эту я и так знаю наизусть, давай пропустим, — сразу замахал руками Сяо И.

— Уверен? — Мо Юэ вновь насмешливо взглянул на него. — Ну раз знаешь, поведай-ка мне скрытый смысл этого произведения.

— Да обычные любовные излияния! Вся песня, по сути, сводится к банальному «I love you» — в смысле, ты мне нравишься, давай встречаться. Разве не так?

Мо Юэ смерил парня снисходительным взглядом. Этому самоуверенному юнцу явно стоило объяснить, что истинное ухаживание не имеет ничего общего с подобным легкомыслием.

Он кончиками пальцев придерживал край свитка и начал неторопливо объяснять:

— Песня «Крик скопы» открывает раздел «Нравы царств» вовсе не случайно. В этом кроется глубокий назидательный смысл.

Само слово «фэн» — «нравы» — означает также «назидание» или «влияние». «Нравы царств» — это канонические образцы, посредством которых правитель наставляет своих подданных. И в первой же песне заложены три незыблемых правила благородного союза между мужчиной и женщиной.

Древние мудрецы утверждали: союз мужа и жены есть начало всех человеческих отношений. Иными словами, общественная добродетель берет истоки именно в семье. Лишь когда отношения между мужчиной и женщиной строятся по законам приличия, можно взрастить и все остальные добродетели в Поднебесной.

Как гласит «Предисловие Мао»: «Песня „Крик скопы“ являет нам добродетель государыни и

служит истоком назидания. Через нее упорядочиваются семейные узы во всей Поднебесной». Вот истинная причина, почему этот стих стоит во главе всего канона.

Сяо И уныло подпер подбородок ладонью. Идея выстраивать сложнейшие философские теории вокруг порядка песен в сборнике казалась ему верхом занудства. Неужели древним больше нечем было заняться?

Тем временем Мо Юэ перешел от вступления к подробному разбору трех канонических правил:

— Первое правило гласит: «Тихая, скромная дева — желанная чета для благородного мужа». Отсюда следует, что мужчина в союзе должен проявлять инициативу и добиваться суженой. Девы же пристало заботиться о чистоте помыслов и благопристойности манер, дабы стать той самой благородной и скромной девой.

Второе правило — строгое соблюдение приличий и границ между полами. Пусть в песне и воспевается стремление юноши к прекрасной деве, он лишь созерцает ее издали, не помышляя о тайных свиданиях или недозволенных подношениях.

Благородный муж может изнывать от тоски, ворочаясь с боку на бок в своей постели, но он не переступит черту и не позволит себе лишнего до свадьбы.

И третье — «радовать ее игрой на цитрах и гусях, услаждать под звуки колоколов и барабанов». Это указывает на истинную цель всякого ухаживания — законный брак, укрепленный пышным и радостным свадебным торжеством.

«Крик скопы» учит, что любое влечение изначально должно быть устремлено к созданию семьи и обретению гармонии в браке. Недаром сам Кун-цзы говорил: «Песня „Крик скопы“ радостна, но не распутна; она печальна, но не сокрушает сердце». Великий мудрец видел в ней образец чистой, благородной любви, которая ставит во главу угла долг и семейный очаг.

Мо Юэ замолчал на мгновение, после чего не без строгости добавил:

— Это гимн высокой морали, а не дешевые кабацкие куплеты о продажной любви. Если ты решишь прочесть ее какой-нибудь девице, это будет расценено как прямое предложение руки и сердца. Так что помалкивай и не вздумай цитировать ее кому попало.

— Да ну, глупости какие, — фыркнул Сяо И. — Стал бы я еще стихи читать, время тратить. Проще сразу притащить сочную куриную ножку и угостить. Разве не лучший способ завоевать расположение?

Мо Юэ не выдержал и чувствительно ущипнул парня за щеку:

— Тебе только что русским языком объяснили: никаких тайных подношений до свадьбы! А ты

уже собрался заманивать приличных девушек курятиной?

<http://bllate.org/book/18182/1752581>